

Содержание

Предисловие	5
КНИГА I	11
КНИГА II	177
КНИГА III	351
Примечания	529

Предисловие

Фрэнсис (или, как ее часто называют, Фанни) Берни (1752–1840), популярная английская писательница рубежа XVIII–XIX вв. прежде не была широко известна русскоязычной публике.

Переводы ее произведений «Сесилия», «Камилла» и наиболее успешного романа «Эвелина, или История вступления юной леди в свет» были сделаны при жизни писательницы и не могут претендовать на полноту и точность. Так, перевод «Эвелины» на русский 1798 года был выполнен не с английского языка, а с французского.

Однако Фрэнсис Берни и ее творчество однозначно заслуживают внимания читателя.

Дочь музыковеда, музыканта, композитора Чарлза Берни (1726–1814) и француженки католического ве-роисповедания Эстер Слип (в девичестве – Дюбуа, что впоследствии найдет свое отражение в «Эвелине...»), будущая писательница была третьей из шестерых детей.

Девочка с юных лет проявляла интерес к театру и литературе. С детства вместе с братьями и сестрами они ставили спектакли в домашнем театре, а Фанни сочиняла и свои собственные истории. В отличие от старших сестер, Эстер и Сюзанны, ее не отправили на

обучение в Париж, и она учились сама, читая античную литературу, стихи, проповеди, романы и пьесы.

В 1760 году Чарлз Берни перевез семью из Кингс-Линна, городка в Норфолке, в Лондон; в его доме регулярно собирались известные личности, в том числе актер Дэвид Гаррик (1716–1779), литературный критик и поэт Сэмюэл Джонсон (1709–1784) и другие. Такой изысканный круг общения не мог не оказать влияния на его дочь, у которой с детства развился хороший вкус и любовь к искусству. Но особенную роль в жизни Берни сыграл друг семьи, драматург Сэмюэл Крисп (1707–1783): позже именно Криспу юная Берни писала письма, в которых рассказывала о своей лондонской жизни, что способствовало развитию ее литературного таланта. Отголоски этой переписки заметны в посланиях Эвелины к мистеру Вилларсу.

Первым романом Берни, увидевшим свет, стала «Эвелина, или История вступления юной леди в свет». Книгу издали в 1778 году, причем Фанни попыталась замаскировать свой почерк и отправила издателю рукопись анонимно, боясь неодобрения отца и мачехи (мать писательницы умерла, когда ей было десять лет, отец женился повторно в 1767 году). Произведение сразу же достигло успеха, и Чарлз Берни всячески поддержал dochь.

В 1779 году Берни написала комедию «Уитлинги», вымеивающую лондонское общество. Театр Друри-Лейн был готов поставить пьесу, но в этом случае и отец, и Крисп посчитали, что женщине не подобает быть драматургом. Впрочем, талант драматурга в Берни не пропал: в «Эвелину» она включила множество гротескных, написанных в театральном духе сценок и диалогов, ярко раскрывающих характеры персонажей.

В 1782 году в свет выходит «Сесилия» — роман, цитата из которого послужила названием для известного романа Джейн Остен. Слова «Гордость и предубеждение»

Остен скорее всего взяла именно оттуда. Произведение пользовалось популярностью — в нем описывается судьба богатой девушки, потерявшей состояние из-за своих расточительных светских знакомых.

Берни была представлена ко двору Георга III и королевы Шарлотты в 1785 году. Впоследствии она стала хранительницей гардеробной королевы. Однако эта работа не оставляла Фрэнсис времени на писательство. Пять лет спустя она все еще была не замужем, а здоровье ее ухудшилось. Пост при дворе пришлось оставить.

Когда началась Великая французская революция, Берни была одной из тех, кто поддержал идеи социального равенства и свобод. В 1789 году она познакомилась с Александром д'Арбле (1754–1818), генерал-адъютантом маркиза Жильбера де Лафайета. Во время революции д'Арбле пришлось бежать из Франции. В 1793 году Берни стала его женой, вскоре появился на свет ее единственный сын. В 1796 году она пишет роман «Камилла», который буквально спасает семью от бедности: на полученные две тысячи фунтов получилось приобрести дом в Сурре. В этом произведении ощущается влияние романтизма и даже присутствуют готические нотки; перед героиней встает множество моральных дилемм. «Камилла» была очень популярна среди современников. Любопытно, что упоминание этого романа можно встретить в «Нортенгерском аббатстве» Джейн Остен.

В 1801 году мужу Фрэнсис был предложен пост при правительстве Наполеона, и на ближайшие десять лет семья обосновалась во Франции: вернуться в Англию было невозможно из-за разгоревшейся войны. В 1810 году у писательницы был обнаружен рак груди, а в 1811 она без наркоза перенесла операцию — мастэктомию, которую подробно описала в своих дневниках.

Последующие годы мадам д'Арбле провела в разъездах между Англией и Францией, ненадолго ей даже пришлось бежать в Бельгию, пока ее муж был вовлечен в военные действия 1815 года, связанные с временным возвращением к власти Наполеона. В конце концов семья вернулась в Англию, где Александр д'Арбле умер от рака в 1818 году.

События Французской революции нашли отражение в последнем крупном романе Берни под названием «Странница» (1814), который не снискал широкого одобрения публики.

Умерла писательница в 1840 году и была похоронена в Бате рядом со своим сыном, которого пережила на три года.

* * *

Роману «Эвелина, или История вступления юной леди в свет» предшествовал другой роман 1767 года — «История Кэролайн Эвелин», в котором была описана жизнь матери Эвелины. Юная Берни писала его тайком и впоследствии уничтожила рукопись, вероятно, под влиянием мачехи, которая не одобряла творчество пятнадцатилетней падчерицы. Как уже говорилось выше, новая миссис Берни, как и многие ее современники, считала писательство неподобающим для женщины. Однако именно этот сюжет лег в основу данной книги, с которой русскоязычному читателю предстоит познакомиться.

Чем же уникальна «Эвелина»? С одной стороны, это роман взросления. Эвелина, чье имя напоминает нам о библейской Еве (куда заметнее это в английском языке: *Evelina* — *Eve*), покидает свой земной рай, Берри-Хилл, и проходит через всевозможные испытания. Однако в отличие от ричардсоновской Клариссы, Эвелину не ждет грехопадение: благодаря своей стойкости и твердым моральным устоям она обретает счастье в союзе с любимым человеком. Берни

отказывается от паттерна, часто встречающегося в литературе XVIII века, когда невинная и наивная героиня оказывается соблазненной и гибнет. Опасные ловеласы вроде сэра Клемента или лорда Мертона, безусловно, встречаются на пути Эвелины, но столкновение с ними не способно ее погубить (тут стоит сравнить ее судьбу с судьбой ее матери, леди Белмонт, которая пострадала от своего пусть законного, но беспринципного мужа).

С другой стороны, этот роман — острая социальная сатира, полная ярких сцен из жизни общества XVIII века. Вместе с Эвелиной читатель наблюдает и за титулованными леди Говард и лордом Орвиллом, и за семьей Брэнгтонов, держащих лавку в непrestижной части Лондона, и за жестоким капитаном Мирваном. Героиня сталкивается даже с проститутками. Устами Эвелины Берни не просто описывает разные социальные слои, но и критически оценивает их представителей: высмеивает напыщенность манер и искусственность некоторых великосветских правил приличия, осуждает грубость, вульгарность и неотесанность, выносит приговор алчности и глупости.

Особо яркого сатирического эффекта Берни удается достичь с помощью точной передачи речи персонажей, в частности, капитана и мадам Дювалль. Берни активно использует прямую речь, не ограничиваясь описаниями, повествование ведется по большей части от лица главной героини — молодой девушки, что придает ему особую живость, а персонажам — реалистичность. Полифонический эффект усиливается за счет использования различных регистров речи.

Наконец, «Эвелина» в свое время была настоящим путеводителем по светской жизни Лондона, и — в меньшей мере — Бристоля и Бата. В романе критически описываются популярные увеселения и публичные места того времени: театры, развлекательные сады, музеи, магазины и т. п.

Для нас же это настоящая возможность погрузиться в атмосферу социальной жизни XVIII века: побывать на балу, посмотреть оперу, послушать Генделя под открытым небом и даже заблудиться в опасных темных аллеях садов Воксхолл.

Одним словом, «Эвелина, или История вступления юной леди в свет» — увлекательная книга, однозначно достойная прочтения, которая непременно найдет отклик у любителей классической литературы. А творчество Фанни Берни наконец-то перестанет быть *terra incognita* для русскоязычного читателя.

Я. А. Колодина

Письмо I

*Леди Товард — к преподобному
мистеру Вилларсу. Товард-Троуб,
Кент*

Что может быть мучительнее для друга, дорогой сэр, чем необходимость сообщить плохие новости? В самом деле, иногда тяжело определить, кто достоин большего сочувствия: рассказчик или тот, кто получает недобрые известия.

Мне только что пришло письмо от мадам Дюваль. Она в полном замешательстве и не знает, как себя повести. По-видимому, она хочет исправить совершенное ею зло и в то же время желает, чтобы все думали, будто ее не в чем упрекнуть. Она бы с радостью переложила на кого-то другого ответственность за те несчастья, в которых повинна лишь она одна. Ее письмо — резкое, иногда оскорбительное, и это *вам* (а ее обязательства перед вами даже больше, нежели ее недостатки)! — *вам!* — она нечестиво вменяет в вину все страдания своей несчастной дочери, покойной леди Белмонт. Я изложу вам основную суть ее письма; само оно недостойно вашего внимания.

Она уверяет меня, что на протяжении многих лет постоянно намеревалась совершить поездку в Англию и потому не расспрашивала в письмах об этом прискорбном деле, надеясь задать вопросы лично. Но семейные обстоя-

тельства удерживали ее во Франции, которую она теперь не видит возможности покинуть. Потому недавно она приложила все усилия к тому, чтобы получить достоверный отчет обо всем, что касалось ее *неблагоразумной* дочери. В результате этих изысканий мадам Дюваль получила *некоторые основания* думать, что на своем смертном одре ее дочь произвела на свет сироту. Она прелюбезно заявляет, что если *вы*, под чью опеку, как она понимает, был отдан ребенок, предоставьте документы, подтверждающие родство, то сможете отправить дитя к ней в Париж, и она обещает его обеспечить.

Эта женщина, без всяких сомнений, в конце концов признала свое чудовищное поведение. Из ее письма очевидно, что она по-прежнему так же вульгарна и необразована, как тогда, когда ее первый муж, мистер Эвелин, имел слабость жениться на ней. Она даже не извинилась за то, что обратилась ко мне, хотя я встречалась с ней лишь однажды.

Это письмо пробудило в моей дочери миссис Мирван неодолимое желание узнать о мотивах, которые заставили мадам Дюваль покинуть несчастную леди Белмонт в то время, когда материнское заступничество было особенно необходимо для ее спокойствия и репутации. Несмотря на то, что я лично знакома со всеми участниками дела, подобная тема всегда кажется слишком деликатной для обсуждения с заинтересованными лицами. Я не могу, таким образом, удовлетворить любопытство миссис Мирван иначе, как обратившись к вам.

Говоря, что вы можете отослать к ней ребенка, мадам Дюваль намеревается проявить милость там, где имеет обязательства. Я не претендую на то, чтобы давать вам советы, вам, чьему великодушному покровительству беспомощная сирота всем обязана. Вы единственный можете судить, что ей следует делать. Но я очень обеспокоена, что

эта недостойная женщина может принести вам лишние затруднения и тревоги.

Мои дочь и внучка присоединяются ко мне и передают привет вашей любезной воспитаннице. Они просят напомнить вам, что ее ежегодный визит в Говард-Гроув, который был нам обещан, откладывается вот уже четвертый год.

С большим почтением, уважаемый сэр, ваша покорная слуга и друг,

М. Говард

Письмо II

*Мистер Вилларс – к леди Товард.
Берри-Хилл, Дорсетшир*

Ваша светлость слишком хорошо предвидели волнение и неудобства, которые породило письмо мадам Дюваль. Но я скорее должен быть благодарен за то, что столько лет меня не беспокоили, нежели сетовать на мое нынешнее затруднение, поскольку оно доказывает, по меньшей мере, что в этой несчастной женщине в итоге пробудились угрызения совести.

Что касается моего ответа, то я покорнейше прошу вашу светлость написать следующее. Я ни в коем случае не хотел бы оскорбить мадам Дюваль, но я имею весомые, нет, неодолимые причины удерживать ее внучку в Англии. Основной из коих является настоятельное пожелание ее матери, чьей воле Эвелина должна безоговорочно повиноваться. Мадам Дюваль может быть уверена, что девочка окружена величайшей заботой и нежностью. Она получает образование, которое, при том, что я желал бы для нее большего, почти что превосходит мои возможности. Смею надеяться, что, когда придет время и Эвелина за-

свидетельствует свое почтение бабушке, мадам Дюваль не найдет причин для недовольства тем, что было сделано для ее внучки.

Вашу светлость, я уверен, такой ответ не удивит. Мадам Дюваль ни в коей мере не способна подобающим образом опекать Эвелину, а ее общество пагубно для молодой девушки. Она одновременно необразована и безнравственна, характер ее несдержан, а манеры грубы. Я всегда знал, что она испытывает ко мне неприязнь. Несчастная женщина! Я могу лишь жалеть ее.

Любая просьба миссис Мирван для меня — закон. Однако, отвечая на ее вопрос, я ради нее же самой буду по возможности краток, поскольку рассказ об ужасных событиях, которые предшествовали рождению моей воспитанницы, не способен послужить развлечением для такой человеколюбивой натуры.

Ваша светлость, возможно, слышали, что я имел честь сопровождать мистера Эвелина, дедушку моей юной воспитанницы, в его путешествиях в качестве наставника. Его злосчастный брак немедленно после возвращения в Англию с мадам Дюваль, тогда служанкой в таверне, заключенный вопреки советам и уговорам всех его друзей, среди которых наиболее ярым противником был я, вынудил его покинуть родную землю и обосноваться во Франции. Туда за ним последовали стыд и раскаяние — этих чувств его сердце не смогло выдержать. Несмотря на то, что мистер Эвелин оказался слишком слаб, чтобы устоять перед внешней красотой (которой природа, поскупившись на все другие достоинства, щедрой рукой одарила его жену), он все же был молодым человеком превосходных нравственных качеств и, пока непостижимым образом не влюбился, безупречного поведения. После этого неосмотрительного брака он прожил всего два года. На своем смертном одре дрожащей рукой он написал мне следующее письмо:

Друг мой, забудьте свое негодование ради человечности! Отец, беспокоящийся за свое дитя, вверяет его вашей заботе. О Вилларс! Услышьте! Сжалитесь! И помогите мне!

Если бы обстоятельства мне позволили, я в ответ на эти слова немедленно поехал бы в Париж. Но я вынужден был действовать через посредничество друга, который там тогда находился и присутствовал при вскрытии завещания.

Мистер Эвелин оставил мне наследство в тысячу фунтов и назначил меня единственным опекуном над его дочерью до достижения ею восемнадцати лет, умоляя меня в самых трогательных выражениях заняться ее воспитанием до тех пор, пока она не будет способна должным образом действовать самостоятельно. Однако что касается состояния, то он оставил дочь во всем зависимой от добродетели ее матери.

Мистер Эвелин не доверил бы такой низкорожденной и необразованной женщине, как миссис Эвелин, заботу о воспитании и моральных устоях своей дочери. Но все же он счел правильным не лишать ее права на уважение и послушание, которые определенно причитались ей от своего ребенка. К несчастью, ему не пришло в голову, что мать со своей стороны может обделить дочь любовью и справедливостью.

Мисс Эвелин, сударыня, со второго по восемнадцатый год своей жизни росла под моим присмотром и, за исключением времени, проведенного в школе, под моим кровом. Мне нет нужды рассказывать миледи о добродетелях этого прекрасного юного создания. Она любила меня, как отца, не менее того ценила она и миссис Вилларс. Для меня она стала так дорога, что ее потеря явилась для меня почти столь же тяжким ударом, как пережитая мной утрата жены.

В тот период ее жизни мы разлучились: ее мать, тогда вышедшая замуж за месье Дювала, вызвала ее в Париж. Как часто я жалею, что не отправился туда с ней! Если бы я защищал и поддерживал ее, может быть, ей удалось бы избежать грядущих несчастий и позора. Говоря кратко, мадам Дюваль по наущению своего мужа усердно, или скорее тиранически, попыталась заключить союз между мисс Эвелин и одним из мужниных племянников. Обнаружив, что это не в ее силах, она пришла в ярость от провала и обращалась с дочерью крайне жестоко, угрожала ей бедностью и разорением.

Мисс Эвелин, не сталкивавшаяся до сих пор с гневом и жестокостью, не смогла стерпеть такого отношения и опрометчиво, без свидетелей, согласилась на тайный брак с сэром Джоном Белмонтом, крайне распутным молодым человеком, который успешно втерся к ней в доверие. Он обещал отвезти ее в Англию — и он сделал это. О, сударыня, остальное вам известно! Лишенный жестокими и немолимыми Дювальями состояния жены, на которое негодяй так рассчитывал, он сжег свидетельство о браке и стал отрицать, что когда-либо был женат.

Леди Белмонт бросилась ко мне за защитой. С каким смешанным чувством радости и тревоги я ее встретил! По моему совету она попыталась найти доказательства законности своего брака — но тщетно! Ее доверчивость не могла тянуться с его хитростью.

Все верили в ее невиновность: как в силу ее непорочной незапятнанной юности, так и в силу отъявленного распутства того, кто так жестоко ее предал. Однако страдания оказались непосильными для ее хрупкого здоровья, и тот же миг, когда она произвела на свет ребенка, положил конец одновременно и скорбям, и жизни леди Белмонт.

Гнев мадам Дюваль из-за побега дочери не утихал, пока жертва ее жестокости все еще была жива. Она, вероятно,

намеревалась впоследствии простить непокорную, но не успела. Когда мать узнала о ее смерти, мне сообщили, что горе и угрызения совести повлекли за собой жестокий приступ болезни. Но со временем ее выздоровления вплоть до момента написания письма к миледи я никогда не слышал о том, чтобы она выражала желание ознакомиться с обстоятельствами смерти леди Белмонт и рождения ее беззащитного ребенка.

Эта девочка, сударыня, пока я жив, вовеки не ощутит понесенной утраты. Я лелеял, опекал и поддерживал ее с самого раннего детства вплоть до шестнадцати лет, и она настолько полно отплатила мне за заботу и любовь, что мое единственное глубочайшее желание теперь — передать ее тому, кто оценит ее по достоинству, а затем умереть в ее объятиях.

Вот как случилось, что моему попечению оказались вверены отец, дочь и внучка. Какое безграничное горе принесли мне первые двое! Если судьба моей драгоценной девочки окажется настолько же трагичной, сколь печален будет итог моих забот — и конец моих дней!

Даже если бы мадам Дювалль была достойна подопечной, на которую она претендует, я боюсь, что мне не хватило бы духа вынести разлуки. Но, учитывая, какова эта женщина, не только моя привязанность, но и мое человеческое протестуют против варварской идеи предать оказанное мне священное доверие. Действительно, я тяжело переносил былые ежегодные визиты Эвелины в Говард-Гроув: простите меня, дорогая сударыня, и не думайте, будто бы я не ценю честь, которую ваша светлость великолдушино оказывает мне и моей воспитаннице. Однако несчастья ее матери произвели на меня столь глубокое впечатление, что едва Эвелина скрывается с моих глаз, мной овладевают мрачные предчувствия и страхи. Вот, сударыня, в чем моя уязвимость и слабость! Но на всем белом свете у меня нет